

ФЕОДОРА ИВАШОВА

НЕСЛУЧАЙНОСТЬ

Феодора Ивашова

Неслучайность

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570554
ISBN 9785449350671*

Аннотация

Как жить, когда вдруг оказалось, что не помнишь, кто ты и откуда? Но оказывается, ещё сложнее, когда вспомнил. Хорошо, что вокруг всегда есть люди, которые придут на помощь. Книга была написана в 2004 году, и впервые выпущена в свет в виде комикса на форуме, где получила массу положительных отзывов.

Содержание

Находка	5
1	5
2	10
3	16
4	25
5	32
6	37
7	40
8	46
9	49
10	51
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Неслучайность

Феодора Ивашова

© Феодора Ивашова, 2018

ISBN 978-5-4493-5067-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Находка

1

Я села на ступеньку и закурила. Мысли вращались нечеловечески медленно. Хотелось есть. Я пошарила глазами и нашла лоток с сосисками. Шевелиться лень. Сейчас докурю и пойду, куплю что-нибудь. Солнце выглянуло в дырку в облаках и ласково пригрело, я подставила ему лицо, зажмурилась и улыбнувшись.

– Девушка, вы не подскажете, сколько времени? Не будет ли у вас огоньку? Можно с вами познакомиться? – протарахтело рядом.

Я протянула нахалу зажигалку. Машинально отвернула рукав куртки, но часов на руке не было. Блондинчик сел рядом, прикурил и вернул зажигалку.

– Спасибо. Так как вас зовут?

Он был ничего такой. Симпатичный и веселый. В косухе и джинсах, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. Лицо с правильными чертами, про такие говорят: внушающее доверие. Почему бы и не познакомиться? Имя свое сказать – ведь это еще ничего не значит. Примерно такие мысли промелькнули в голове, я даже открыла рот, но не успела издать ни звука.

Имя? – шарахнуло меня как молнией.

А какое, елки-палки, у меня имя???

Я поняла, что значит «потемнело в глазах». Я их закрыла и потерла виски. Стало нехорошо. Катя? Аня? Лена? Ничего не шевелится. Все может быть.

– Девушка! Ау! Вам плохо?

– Подождите минутку...

Голова кружилась, и я никак не могла вздохнуть. Мир превратился в хаос и обрушился всеми своими вихрями и тьмой на меня... Прошло, кажется, не одно столетие, прежде чем воздух перестал быть каменным и позволил себя вдохнуть. Ира? Света? Марина?.. Спокойно. Я приехала. Куда? И зачем? И вообще, откуда я, мама??!

– Я заблудилась. Что это за город?

– Ну, привет! Это Коломна, – он посмотрел на меня с пониманием, и улыбнулся.

– Молодой человек, мне нужна помощь, – сказала я с отчаянием, осознав более-менее, что случилась какая-то беда, и одна я с ней не справлюсь.

– Что нужно сделать? – он стал совершенно серьезным и внимательным.

– Не знаю, – прошептала я и отбросила истлевшую сигарету.

– А что случилось? Так, давайте возьмем пива, сядем в нормальном месте, и вы мне все расскажете.

– Я не люблю пиво, – сказала я и осознала это. – Я не люб-

лю пиво. Не люблю. Ага.

Парень посмотрел со страхом. Я встала, отряхнула брюки и сказала, устало перейдя на «ты»:

– Пойдем куда-нибудь, веди.

Мы купили пиво и долго шли молча вдоль железной дороги. Остановившись, наконец, сели на подгнившую доску, валявшуюся на пригорке, чуть в стороне от насыпи.

– Давай, рассказывай. Я тебя слушаю.

Я не знала, с чего начать. Да и где тут начало? По всем приметам больше похоже на конец.

– Чертовщина какая-то...

Достала еще одну сигарету, закурила и стала смотреть на снежный островок под ногами, похожий на ушастую голову зайца. Мой неожиданный спутник тоже щелкнул зажигалкой (своей, кстати).

– Так как тебя зовут-то? – спросил он, выпустив первый клоч дима.

– А тебя? – не отрывая взгляда от «зайца», я переадресовала вопрос.

– Андрей.

Я помолчала секунду и решилась.

– А я не знаю. Только что я нашла себя, и не знаю, кто я и где я. У меня, видимо, потеря памяти. Самая настоящая. И как мне можно помочь, я тоже не знаю.

Я похлопала себя по всем карманам, потому что вдруг вспомнила о паспорте, потом залезла в каждый по очереди.

Зажигалка. Чек. Мятая десятка и двухрублевая монета. Ни паспорта, ни какой-нибудь захудалой записной книжки...

– Посмотри на меня, пожалуйста, откуда я могла приехать?

– Да откуда угодно, – медленно сказал он.

– Чертовщина какая-то, – повторила я. – И что делать дальше, я не знаю. То ли я почти дома, и просто за хлебом вышла, то ли мне еще пиликать хрен знает куда.

– Да-а. Задница. Но не бойся, что-нибудь придумаем. Так, значит, тебя надо вписать... Поехали, по крайней мере, переночуешь. А с утра, может, и вспомнишь что-нибудь... Тебя по голове не стукали?

– Откуда я знаю? – задумчиво ответила я. – Может и стукали, – ощупала голову. – Вроде не болит.

– Ладно, пойдем, – он встал, позвенов косухой, и стал неловко спускаться с пригорка в рыхлый снег в низине. Я сбегала следом. Начал накрапывать дождь.

– ...Без имени жить нельзя. Человека, если у него нет привязки к реальности, к жизни, можно назвать любым именем, любым словом, и управлять им как угодно. Если имя есть, то есть шанс сопротивляться. Надо как-то вспомнить. Ты не из Коломны?

– Говорю же, не помню ничего!

– Блин.... Хоть город узнаешь?

– А хрен его знает! Кажется, что вижу впервые, но мне сейчас много, чего кажется.

– Наверное, ты с электрички сошла?

– Я с ума сошла, – пробормотала я, ежась от холодных капель, попадающих за шиворот. – Да, вполне могла. Иначе что бы я делала на вокзале? А поезда тут не останавливаются?

– Нет. Так, а какая была электричка? – он взглянул на часы (тоже свои – я улыбнулась). – Тринадцать тридцать две из Рязани. Или ты из Москвы? Откуда же тебя в такую рань могло принести-то? Надо посмотреть, во сколько еще здесь что проходило.

– Вернемся, посмотрим?

– Да у меня дома есть расписание. Сейчас ко мне зайдем, хорошо?

Таких пятиэтажек у нас по стране миллиард. Странно, но именно это я помню. Интересная штука – потеря памяти. Почему-то я помню, что пятиэтажки в каждом городе, что Коломна расположена на юго-востоке от Москвы и стоит на Оке, я помню слова и умею говорить. Но не помню своего имени, адреса и прошлого. Кстати, то, что я помню расположение Коломны на карте, говорит о том, что я, наверняка, не с Урала и не с Камчатки. Даже, скорее всего, жила где-нибудь в этом городе или неподалеку от него. Или бывала тут. Не прошло и часа, как я, пережив бурю в своем тронутном уме, приняла ситуацию, поверила в происшедшее и задумалась о дальнейших действиях.

Андрей тоже жил в пятиэтажке, на четвертом этаже. Он открыл дверь ключом и впустил меня в квартиру. Серая кошка на полусогнутых лапах убежала в комнату и только испуганно выглядывала из-за косяка.

Я сняла ботинки, оставшись почему-то босиком, даже без носок. Андрей дал мне вязаные тапочки и провел по ковровой дорожке в комнату. Комната его была соответствующей. Желтые обои с мелким рисунком, полки с книгами (в основном, фантастика) и кассетами, плакаты, письменный стол с кучей бумаг, сигаретных пачек и радиодеталей, электрогитара небесно-голубого цвета, колонка аппаратуры и узкая

кровать с бежевым покрывалом.

– Извини за бардак и все такое, – дежурно сказал Андрей, сминая в кулаке две пустых пачки.

Снял косуху, залез под стол, достал оттуда зеленый телефон с диском, поставил его на кровать и полулег рядом.

Я жадно впитывала свой новый, незнакомый мир, стараюсь ничего не упустить. Мне предстояло все узнать заново. Эта комната была первым и пока единственным человеческим жильем, увиденным в моей новой жизни. И я легко могла представить его своим, я запросто могла жить в такой же комнате.

– Але? Жень, хай! У тебя девчонку вписать можно?.. Девчонка неизвестно откуда. Очухалась у нас в городе и ничего не помнит... А я откуда знаю?.. На полу? Не знаю. Эй, найденыш, ты на полу спать будешь?

– Да почему нет?

– Давай. Хорошо, мы сейчас придем. И это.... Слушай, позови этих наших детективов.... Ну всех зови, их же не табун!.. Ну, пусть, как смогут, подтягиваются. А чего ты не на работе?.. А-а... Я? Да чего там делать!.. Да ладно! – он расхохотался. – Это, Жень, все неспроста. В это время я был нужен в другом месте, где и оказался. Да в этом году закончу, сколько уж можно учиться?! Все, жди, короче. Мы идем, – телефон жалобно звякнул.

– Найденыш, чего ты стоишь? Садись, – он шлепнул по кровати. – Чай будешь? Я сейчас сделаю. Попьем, и пой-

дем в гости.

– А что это за детективы? – спросила я, когда он вернулся с кухни.

– Да есть там одна развеселая компания. Занимается фигурной всякой. Типа, кто у кого калькулятор спер; максимум – кто колеса в машине проковырял. Детство играет.

Я вытащила ногу из тапочка и внимательно ее рассмотрела. Нога как нога. Только грязь между пальцев и ногти как копыта, страшные. Помыться бы... интересно, когда я в последний раз это делала?

– Андрей, а где-нибудь помыться можно будет?

– Да у Женьки, если никто ничего с ванной не сделал. Пойдем на кухню? Да, ты есть хочешь?

– Жутко хочу.

– Ну вот. Пошли, найдем чего-нибудь.

Пока грелись котлеты с гречкой, Андрей сел напротив меня за стол и попытался начать расспросы.

– С какого момента ты себя помнишь?

– Как села на лестнице и закурила... И вообще, а почему мы уперлись, что я с электрички? Мало ли, за какой надобностью меня на вокзал принесло?

В дверь позвонили. Андрей ушел открывать. Я услышала:

– Во! – и дальше бубнёж и шуршание курток.

Вошло их трое. Андрей подталкивал в спину парня лет двадцати пяти в оранжевой рубашке и салатовых джинсах и девушку помладше в полосатой вязаной жилетке.

– Ну, знакомьтесь! Это, собственно, Находка, а это наши Пинкертонны...

– Сам такой, – вставила девушка.

– ...Ирина, Самсон. Он же Константин Самсонов... Как вы так быстро?

– Женька позвонил, у нас как раз лекция закончилась. Мы снялись и поехали. Машину поймали.

– Вы тоже голодные?

– Обойдёмся! Вы жить пойдете к Женьке, я так поняла? Там поговорим?

– Давайте там, какая разница. Ты не торопи только, дай хоть пожрать по-человечески!.. Так, подождите. Находка, мы не договорили... Ты, значит, думаешь, что могла и не с электрички сойти?

– Запросто, почему нет? Может, я наоборот уехать собиралась. Или встречать кого пришла. А может, приехала, но совсем утром. И с ранья по городу мотаюсь. Устала, присела. Или на автобусе приехала. Или на машине.

– Да уж... – Андрей потер лоб. – Тоже как не фиг делать... Но если ты из Коломны, тебя здесь кто-нибудь должен знать.

– Вы уже расследуете? Без нас?

– Ох, обидься ещё, Ирка!

– Ир, действительно не игрушки, ты не понимаешь? – серьезно сказал Самсон.

– Вы чего взъелись? – удивилась Ирка. – Давайте только вместе все делать. Мы, Андрей, все-таки уже кое-чего рас-

следовали, а вы тут между собой потрещите, а нам потом повторить забудете.

– Ничего, вы детективы, сами догадаетесь. И потом, не один фиг, кто все выяснит?

– Я думаю, что не мы, – сказал Самсон, ломая спичку. – Очень уж всё, блин, странно...

– Самсон, в себя надо верить, тебя не учили? И потом, если не мы, то кто?

– Хрен в пальто! В милицию идти надо. В больницу, чтобы проверили, нет ли сотрясения, или еще какого нарушения. Наверняка, тебя по чайнику треснули. Может, и спёрли чего.

– Да наверняка спёрли, – у меня ничего нет. Ни денег, ни документов. А ведь были же, наверное!

– Бесспорно, когда-то документы были, – согласился Андрей.

Самсон, несмотря на вызывающе яркое одеяние, рассуждал наиболее здраво, но Ирке, видимо, очень не хотелось расставаться с таким необычным делом, вдруг на неё свалившимся.

– Ага, в милицию! – закивала она. – Хорошо придумали! А если она кого-нибудь пришила? И по фотороботу, а?

– Ирка, не мели чушь.

– Да ну, Ир, ты чего такое говоришь-то?.. – возмутилась и я.

– Хорошо, идите в милицию. Но ничего нельзя отвергать, сами знаете. Даже самую бредовую версию проверять надо.

– В любом случае, согласишься, Ира, у них больше возможностей.

– А желания, Костя? Желания у них сколько?

Самсон отмахнулся:

– В милицию надо. Только сначала в больницу, чтобы зафиксировать потерю памяти. А потом уже к этим.

– Слышите, сыщики, а вдруг её не доби́ли, и будут искать? – осенило Андрея.

– Фу, ну ты скажешь! – снова возмутилась я.

– Нет, правда! Тогда лучше не высовываться и сидеть тихо.

– А вы меня, случайно, не знаете?

Все переглянулись и пожали плечами.

– Андрей, у тебя сейчас сгорит. Я не тороплю, но давайте, ешьте!

Женька жил через дом. Дверь в квартиру была украшена большой надписью белилами «Уважаемые соседи, нас много, но мы хорошие!», а поверх слова «хорошие» красовалось помадное «казлы». Дверь оказалась не заперта, и мы вошли.

Тут, в отличие от квартиры Андрея, не было ковровых дорожек, да и линолеум лежал волнами. У двери стояло множество ботинок, кроссовок и сапог, в том числе пара болотных. На гвоздях, вбитых в стену, висели куртки и прочая верхняя одежда. Перед зеркалом на тумбе стоял телефон, а вокруг зеркала обои были исписаны цифрами и сообщениями. Стена напротив напоминала лохматого зверя – сверху топорщились многочисленные записки, а снизу явно постаралась кошка.

Мы пополнили обувную кучу и вошли в кухню.

Хозяин деловито подтянул тренировочные штаны, раскланялся с каждым, грохнул на плитку чайник и сел на подоконник.

– Ну, рассказывайте, кролики.

Я села на табуретку у двери, Андрей – у холодильника, остальные вокруг стола, при этом Самсон наступил в блюдо с водой, стоявшее в углу.

Женька был давно не стриженным кудрявым брюнетом, к тому же без одного переднего зуба. Одет он был в черные

спортивные штаны с растянутыми коленками и зеленую линялую футболку.

– Давайте все сначала, – Ирка достала из сумки тетрадку о двенадцати листах и, что-то написав на обложке, открыла ее. Самсон положил на стол диктофон.

– Итак. Сегодня у нас двадцать второе марта две тысячи второго года, пятница.

– Очень приятно, – сказала я. – Тут курить можно?

– Можно, – Женька, не вставая с подоконника, дотянулся и открыл форточку. – Тут практически всё можно.

Я достала из кармана сигареты, и зашарила по карманам в поисках зажигалки.

– Тебя бы сфотографировать, – сказал Самсон, откинувшись к стене вместе с табуреткой. – Пригодится наверняка.

– Как тебя записать-то, Находка?

– Так и пиши, как слышишь.

– Ага. Находка. Найдена на станции Голутвин в... Андрюх, сколько времени было?

– Было без десяти два, но это спустя какое-то время. Пиши «без двадцати».

– Андрей, – спросил Самсон. – Как ты Находку увидел?

– Иду по площади. Смотрю – на ступеньках вокзала сидит симпатичная девушка и щурится на солнышке. Вроде бы всем довольна.

– Я и была всем довольна. Пока до меня не дошло, что я не знаю собственного имени.

– До сих пор ничего не помнишь?

– Абсолютно ничего нового я не вспомнила. Даже про-
блесков никаких.

– Может, поспишь, вспомнишь? – предположил Женька
с сочувствием.

– Не исключено, – с надеждой согласилась я.

– Так, ладно... Зафиксированное время – тринадцать со-
рок, предположительное время высадки с электрички, если
она имела место... а-а...м-м... Сколько ты сидела? – Ира об-
ратилась ко мне.

– Ну не знаю я, блин! Не знаю! Может, я полчаса по городу
шаталась, прежде чем сесть, может, со вчерашнего вечера,
может, только с этой долбаной электрички сошла... Может,
и вообще не с электрички. Может, меня на машине привез-
ли и выгрузили... Может, я сама за рулем приехала, а меня
по чайнику долбанули, а машину угнали. Какое тогда имеет
значение, сколько я на лесенке загорала?

– Значение может иметь все что угодно, – назидательно
сказала эта мисс Марпл. Или миссис? Тут помню, тут не пом-
ню...

– Надо будет проверить, умеешь ли ты водить машину.
И вообще, что умеешь. Я слышала, что навыки люди помнят.

Я кивнула, прикуривая, и с удовольствием выпустила
дым. Самсон повертел мою пачку в руках, заглянул внутрь
и положил обратно.

– Девушка лет восемнадцати-двадцати двух. Волосы тём-

ные, короткие, слегка выются. Глаза карие. Рост... Так, это потом. Одета в зеленую куртку, короткую, на молнии, с карманами. В карманах... Находка, пардон за наглость, что у тебя в карманах?

– Ни хрена там нет, – я вытряхнула все содержимое на стол. Кроме курительных принадлежностей все те же двенадцать рублей и чек.

Самсон с Иркой мгновенно и одновременно схватились именно за него. Ирка уступила.

Самсон пробормотал:

– ООО «Тонус М», двадцать второе, ноль третье, ноль второе. Девять-двенадцать, двенадцать пятьдесят, спасибо за покупку.

Очевидно, эти самые сигареты. Сегодня утром. Где, ёлы-палы? Ира записала еще что-то и поставила восклицательный знак.

Потом мы всей толпой вышли в прихожую обследовать мои ботинки. Грязь на них была самая обычная – у нас пол-России носит на ботинках такую. Да и сама обувь была довольно распространенной – черные ботинки унисекс на шнурках, только потёртые и морщинистые. Коричневые брюки, явно новые и с девственно чистыми карманами, зато с прилипшей на штанину жвачкой. Черная шапочка, которую, помню, называют неприличным словом. В общем, детективы обнюхали все, что могли, но выводы о моем происхождении, прямо скажем, не напрашивались.

Когда мы вернулись на кухню, Ира достала мобильник и набрала номер.

– Кир, слушай. Тут новое дело. Ты прямо с работы забеги на вокзал, купи расписание и обязательно узнай, не было ли изменений и опозданий... Все электрички, по всем направлениям. Так. И еще осмотри палатки, какие попадутся по дороге, особенно у вокзала. Нет ли где-нибудь «Тонуса-М»... Тонус!.. Сам ты такой!.. М! Миша. Ага, пока!

– Ир, у меня есть расписание, – сказал Андрей. – На кой покупать?

– Сбегай тогда, принеси.

– Ломает, честно говоря, но ради дела... Кстати, смотрите, зажигалка поцарапана.

– Ну и что? – спросил Самсон и показал свою. – Ты лучше обрати внимание на её руку. Откуда такие шрамы?

– Вот уж не знаю! У меня такого никогда не было.

То, о чем они говорили, я заметила, ещё сидя на дощечке с Андреем. Пальцы правой руки были сплошь покрыты розовыми и синюшными пятнами с неровными краями.

Андрей ушёл за расписанием, а Ирка перезвонила Киру и внесла коррективы в задание.

Чайник задышал паром, Женька выключил газ. Ополоснул под краном темно-синюю чашку, насыпал в неё щедрую горсть заварки, добавил восемь чайных ложек сахара и залил кипятком. Взял чашку и снова сел на подоконник.

– Жень, у тебя фотоаппарат с плёнкой есть?

– У меня нет, но сегодня Белый должен зайти.

– Знаете, что я думаю, – медленно сказала Ирка, вертя мою зажигалку в руках. – Позвоню-ка я Лерке. Сводим тебя в больницу. Может, и правда скажут чего? К тому же такие вещи вряд ли полезны для здоровья.

– А меня никуда не упекут так сразу?

– Я и говорю, через Лерку, неофициально.

– Тогда мне, как минимум, помыться надо.

– Сейчас помоешься. А я Лерке буду звонить. А надеть тебе есть что?

– Да это фигня, – сказал Женька. – У меня тонна тельняшек и другой фигни. Щас дам чё-нибудь, – он отставил чашку, сполз с подоконника, подтянул штаны и ушлёпал в комнату.

Пока я плескалась в ванной и стирала свои шмотки, а Ирка звонила Лерке, вернулся Андрей, и пришёл обещанный Белый с фотоаппаратом. Его посвятили в историю, и он, пылая желанием мне помочь, сбегал к машине, притащил и принялся устанавливать какие-то штативы и лампы.

Я вышла к народу в пресловутой тельняшке, чьих-то здоровенных джинсах и серых шерстяных носках, с волосами ёжиком от рьяного вытирания полотенцем. В ванной я долго разглядывала себя в зеркале, обнаружила родинку на локте, ещё несколько шрамов неизвестного происхождения, но в целом смотрелась неплохо и себе понравилась.

Когда я вышла из ванной, Женька вручил мне фен, само-

дельный, судя по размерам, болтам, изолянте и рёву. В три минуты я высохла, а в спальне меня уже ждала настоящая фотостудия.

Белый оказался серьёзным и толковым человеком. Он то, прищулив глаз, смотрел на меня издалека, то просил повернуть как-нибудь голову или поменять положение рук. Сделал кучу кадров, с разных сторон и расстояний.

Ирка начала его торопить, чтобы мы успели в больницу, ей позвонили на мобильник, она ласковым голосом пощекотала с «милым», нажала на кнопочку, и голос её снова стал деловым.

– Все, Находка, помчались!

– А знаете, что я придумал? – вдруг закричал Андрей. – Сегодня Находка нашлась, значит, у нее как бы день рождения! Давайте вечером отпразднуем?

– Тогда и подарки надо, – сказал Женька, устраиваясь поудобнее у косяка.

– Само собой, – ответила Ирка, завязывая шнурки.

– Ради Бога, разве ж я против подарков? – улыбнулась я.

– Все, пожелайте нам удачи, мы полетели!

И мы «полетели».

Больница тоже была недалеко, в пределах пешей доходимости. Лерка встретила нас на крыльце. Рыженькая и курносая медсестричка.

– Это ты потерялась? – она с любопытством посмотрела на меня.

– Я, кто же еще? – я отбросила окурок и почему-то вытерла руку о джинсы. – Только, наоборот, не потерялась, а нашлась.

– Ну пошли... Только куртку внизу оставь. Ирка, ты тут посидишь, или с нами пойдешь?

– Лучше с вами, чего внизу-то сидеть?

– Ну пошли, сейчас халаты возьмём...

От врачей я узнала следующее. Мой рост – метр шестьдесят четыре, вес сорок семь килограмм, давление сто десять на семьдесят. Зрение отличное, слух тоже. Сердце так себе; нервы, похоже, не очень (ну еще бы!), курить не стоит, группа крови – вторая положительная, остальное завтра. Половых контактов в последнее время не было, но вообще были. Не рожала, не беременная, вроде не больная, это тоже потом. Пару зубов стоит вылечить, еще штук восемь с пломбами разного качества и срока давности. Горло красное, полоскать надо. Лёгкое искривление позвоночника. Сотрясения мозга нет, но есть свежий около месяца, шрам на бедре – зацепилась за что-то. Шрам на ступне – старый, наверное, на стекло наступила. На пальцах – след от ожога, тоже свежий. Почему-то не подумала, что это ожог.

Ещё мне предложили лечь в больницу, но сами же посоветовали этого не делать, если есть где жить. А вообще-то надо, сказали они, ехать в Москву, в институт Сербского, там больше средств и возможностей для выяснения причин моего беспамятства.

До дома Женьки еле доползли. Квартира бурлила. Мало того, что все постояльцы вернулись кто откуда, так им ещё и обо мне рассказали.

Я, казалось, слона съем. Но мне дали только картошки с тушёнкой. Ирка есть не стала, и убежала, попросив перенести день рождения на завтра. Я согласилась.

В ночи снова пришёл Белый и принёс готовые фотографии. Я на тот момент уже лежала на предназначенном мне матрасе не в силах открыть глаза. Так что просмотр тоже отложили до завтра.

Сумасшедший, бредовый, мало похожий на реальность день, двадцать второе марта две тысячи второго года закончился мгновенно.

Мой второй день рождения, точнее его празднование, пришлось на субботу, поэтому с утра никто не убежал, но некоторые, впрочем, спали до обеда. Проснувшиеся прицепились ко мне с вопросом, не прояснилось ли у меня в голове. Я честно прислушалась к своим ощущениям, и поняла, что не прояснилось. Страшно проснуться и понять, что вчерашний кошмар оказался не сном.

Покинув постели, мы с Женькой и полненькой девушкой Нюрой занялись приготовлением угощения. Каких-то двух парней отрядили за выпивкой. Через форточку вернулась с прогулки кошка Мамайка дикой чёрно-рыжей окраски. Вчера я её не видела, а может, просто не запомнила, чему тоже не удивлюсь. Перспектива новой потери памяти меня испугала, я стала лихорадочно перебирать в памяти имена своих новых знакомых.

Примчалась Ирка.

– А ну отпустите именинницу! Сами готовьте! Находка, пошли подарки выбирать!

– Ир, да на кой выбирать? У меня все равно ничего нет, что ни подари, не ошибёшься.

– Мерить пошли! Чтобы костюмчик сидел!

Стало ясно, что с Иркой спорить бесполезно. Я сказала Нюрке:

– Нюр, брось готовку. Приду – доделаю.

– Да ладно тебе! Чего тут делать-то?

Ирка подошла к задаче практично.

– У тебя ведь совсем ничего нет? Значит, тебя надо, как минимум, одеть, – и вытянула из-под кровати чемодан.

Дунула на крышку – взвилась куча пыли.

– Фу, – сказала я и помахала рукой.

– Терпи, коза, – отозвалась Ирка, открыла чемодан и чихнула. – А то мамой будешь.

Вот, примерь батину рубашку, и вот это тоже – в меня полетела байковая рубашка в клетку и сиреневая водолазка. Я влезла в обе вещи, покрутилась.

– Кстати, Находка, может, тебе имя какое пока выбрать? На время, пока не вспомнишь?

– Ага, чтобы я к нему привыкла, и вы тоже. А потом – бац, и я Акулина какая-нибудь.

– А если не вспомнишь?

– Типун тебе! В крайнем случае, меня найдут и скажут, как зовут.

– Как-то не по-человечески без имени.

– Пусть. У меня есть имя, просто мы его не знаем. Я согласна быть Находкой, хоть светофором, но не ходить под чужим именем... Ну что, как? Вроде в самый раз.

– Да, ничего, вроде. На вот, еще юбку померяй. И эту. Она точно подойдет, правда, она летняя.

Теперь я поймала две юбки – одну чёрную, до колен, дру-

гую – цветастую, до пола. Длинная действительно оказалась в самый раз, а короткую имело смысл ушить. Я без лишней гордости взяла обе.

Потом Ирка выловила в чемодане красную майку, классические джинсы, обтрепанные по краям, и чёрные брюки, которые оказались мне коротки.

Далее по принципу «На тебе, Боже, что нам не гоже» Ирка запихнула мне в пакет синий вязаный свитер в затяжках, шерстяное бабушкино платье, полосатую шапку с шарфом и рейтузы с дыркой в интересном месте. Но я не кочевряжилась; более того, была рада.

Все-таки, тельняшка с такими большими джинсами, что я все время боялась их потерять, не самая универсальная одежда. Тем более, кто знает, может, в прошлой жизни я носила костюм от Тома Кляйма, или даже от Версаче, и туфли на шпильках? И кто ж меня теперь узнает?

По пути от Иркиного дома до Женькиного зашли на рынок, где она мне велела отойти в сторону и что-то купила. Я тем временем настреляла три сигареты – моя пачка кончилась.

За праздничный стол условно приняли пол нашей бомжовой спальни, настелив газет.

– Я сегодня мамашке в Пермь письмо отправила, на тебя посмотревшись, – сказала Нюрка.

– И я звонил, – засмеялся Артем, длинный парень с белым хвостом до пояса. – Вот что значит наглядная агитация!

– Обрадовались небось, – сказала я блудным детям.

– Офигели! А сейчас, наверное, осмыслили и счастливы.

Мне стало радостно за Темкиных родителей, и еще больше за абстрактных своих.

Спустя минут десять я вылезла на улицу за хлебом, о котором все на радостях забыли, и столкнулась у палатки с Леркой.

– Привет!

– Привет!

– Ты не ко мне?

– Да нет, я к тётке заходила.

– А сейчас свободна? Пошли ко мне на день рождения?

– У тебя сегодня? Ты вспомнила?! – Лерка подпрыгнула и засияла.

– Хрен там, – я вздохнула и махнула рукой. – Это Андрей придумал. Я родилась в новой жизни.

– Ой, Находка... Ты у Женьки, да? Я тогда сейчас приду.

– Давай, заходи! Я тебя ждать буду!

Из угощения на полу стоял салат из риса с рыбными консервами, варёная картошка с тушёнкой, маринованные огурчики и вишнёвый компот от Белого, бананы, корейская морковка, вафельный торт (его притащил Андрей), крабовые палочки, огурец и два помидора, порезанных дольками, сыр и море портвейна.

Пришла Лера, пришли детективы в полном составе – их оказалось четверо, ещё Кир и Серега. Белый отозвал меня

в кухню и протянул пачку фотографий. Мне сразу стало ясно, что он – фотограф от Бога, и никто никогда меня в этом не разубедит. Если б я была парнем, я бы непременно влюбилась в девушку с фотографий. Но парнем я не была, поэтому просто смотрела восхищённо, и не верилось, что это я.

– Ты офигенный фотограф, – сказала я плоскими словами, потому что не знала других, таких, чтобы передать своё восхищение.

– Да ладно тебе, – он отмахнулся. – Надеюсь, что пригодится.

– А это мне?

– Тебе, конечно. А ты хорошая фотомодель, практически все неплохо получилось.

– Ни фига себе, неплохо! А ты себе не оставляешь?

– Оставил, а как же!

– Послушай, а как тебя зовут-то?

– Андрей.

– Еще один Андрей. А почему Белый? Или это фамилия?

– Нет, моя фамилия Белов, – он улыбнулся. Интересное у него лицо – острые скулы, большой рот и уже появившиеся морщинки – на лбу, на щеках от улыбки и лучики в уголках глаз; черный ёжик волос.

– А ты, кажется, взрослый...

– А ты нет?

– Да, конечно. Но ты постарше остальных будешь.

– Постарше, угадала.

– Эй, ну куда вы ушли? Давайте начнем уж! – заглянул Андрей-первый.

И мы начали.

Пили за моё появление, желали найти себя, потом дарили подарки. Я их складывала на свой матрас. Включили музыку, а, когда все поднабрались, устроили танцы, сдвинув угощение к батарее. Потом пошли гулять, дошли до Оки, выкурили там одну сигарету на двоих с Андреем, полазали по каким-то развалинам, поиграли в паровозик на трамвайном кругу. Вернулись уже в сумерках. Снова пили и ели. Белый бегал с фотоаппаратом. Искали гитару, но безуспешно. Ирка отобрала у меня несколько фоток и сунула к себе в сумочку – «для дела».

– А интересно, если Находку напоить, она вспомнит себя? – спрашивал захмелевший Темка.

– Не придумывай! – строго отвечала медсестра Лера. – От этого память только портится!

– Давайте играть во что-нибудь!

– В «мафию»!

– В «бутылочку»!

– В «ручеек»!

Я пропустила мимо несколько рюмок, чтобы не напиться, упаси Бог. Видимо, помнила, что бывает плохо, если перепить.

Станцевали под «Там, за туманами» с Андреем, потом под Земфиру с Самсоном.

Народ, наконец, собрал посуду и поутих. Ушли гости, пришла Настя. Вечер можно было считать закрытым. Я засела на матрас разбирать подарки. Меня завалили. Женька подарил плеер с кассетой «Крематория», Ирка – некоторое количество белья, в том числе кружевного; Лерка – книгу Мураками, кассету всё той же Земфиры и в довесок информацию, что по анализам я здорова. Белый преподнёс фотоальбом для уже готовых фотографий, Нюрка – бандан и фенечку, Тёмка – носки и тапочки, Самсон – игрушечного зайца и конверт с деньгами, Кир – чашку, Серёга – складной нож в обмен на последние два рубля. Был ещё один комплект белья, колготки, ежедневник, блок сигарет, сказки Андерсена, кассета Вивальди и ручка-зажигалка. Праздник удался. А я, неизвестно кто и откуда, снова уснула мёртвым сном в странной, гостеприимной квартире города Коломны.

Утро оказалось добрым. Я проснулась поздно, когда солнце уже расчертило квадратами пол, матрасы и одеяла. У меня в ногах спала Мамайка. Я сладко потянулась – было невыразимо уютно. Матрас казался чуть ли не периной, а спальник – пуховым одеялом, если таковые бывают. Мамайка поймала моё состояние и тоже потянулась (всеми четырьмя лапами в одну сторону), да так и осталась лежать рогаликом.

Из кухни доносилось с шипением и фальшью душераздирающее: «я отдалась тебе в кустах сирени. Вокруг стоял красивый тёплый май. Цвели цветы, звучало птичье пенье, и голос твой напоминал мне рай...»

– Слушайте, да вырубите её кто-нибудь! Кто вообще эту дрянь принес? – раздался Женькин голос.

– Жень, ну надо же послушать, а вдруг у неё есть что-нибудь хорошее!

– Настя, радость! Я никого не хочу обидеть, но у человека, который поёт на полном серьезе такие вещи, в принципе не может быть ничего хорошего.

– И таким голосом, – добавил невидимый Темка.

– А вдруг?

– «Вдруг» слушай в наушниках. Не насилуй народ! Я не деспот, но это же невозможно!

– SOS, спасите наши уши, – пробурчала Нюрка где-то ря-

дом.

Щелчок – песнопения стихли.

А так – обычное утро, какое-то знакомое, навверное, из прошлой жизни: шум воды, негромкие разговоры и шкворчание сковородки за стеной. Постепенно степень суety возрастает, и начинается бардак. Солнечный квадрат на-ползает мне на лицо, я отворачиваюсь, чтобы грело затылок.

– Нюрка, ты не знаешь, где это угробище?

– Какое еще угробище?

– Альфредик.

– В ванной нет?

– Нет, конечно. Ты думаешь, я там не смотрела?

– Женька-а! Где мистер Альфред?

– А я доктор? Вы, девки, сушитесь, мне-то он на фиг?

– Нет, я не понимаю, где ЭТО можно потерять??? – Настя забегала, ругаясь, по всей квартире.

– Там же, где и мой тапочек, очевидно, – ехидно отозва-лась Нюрка. – Не знаю, куда ты его засунула.

– Почему я-то? Находка, ты спишь?

– Сплю. Настя, не грузи с утра.

– Ты Альфреда не брала?

– Казань брал, Астрахань брал, Альфреда не брал... Ка-кого еще, на фиг, Альфреда?

– Фен, – объяснила Нюрка. – Его так зовут.

– Нет. С момента приезда не трогала, – я открыла глаза и повернулась на бок, лицом к цивилизации.

– Ля-я! – начиная свирепеть, протянула Настя. – Мне на работу ехать, а хаер мокрый.

– Куда твоя работа денется? Переход законопатят? Или дядька с баяном припрётся, как в тот раз? – Нюрка хихикнула. – Сиди и сохни, певица! Тебе феном вредно сушиться, у тебя волосы крашенные. Совсем вылезут!

– А кое-кому просто завидно, потому что диеты не помогают!

– Ой, ну вот только ругаться не надо, ладно? – мне было так хорошо этим утром!

– Насть, ну вот же он, блин! Глаза у тебя сказать где? Как так можно искать? – Нюрка с грохотом стянула со стола фен за шнур, как мышь за хвост.

Мамайка поняла, что тут ей не светит спокойно поспать, и ушла. Кажется, на кухню. Наверное, поесть.

– Находка, тебя к телефону! – крикнул Женька. Я со вздохом откинула спальник, встала. Но, подумав, спальник подняла, и в него завернулась.

– Але?

– Находка, привет! Пошли в милицию? – Ирка.

– Охренели, что ли, ни свет, ни заря? Ну ладно, пошли. А ничего, что воскресенье?

– Какая разница? Дежурный-то должен быть! Давай, встречаемся на остановке. Где рынок, знаешь?

– Помню, видела вчера.

– Давай, одевайся и выходи.

– Поесть-то хоть можно? Я еще даже не покурила!

– Ну давай, тогда перезвони, – и она назвала телефон, который я записала на стене среди прочих.

Оказывается, кофе с сигаретой – это тоже кайф, ни с чем не сравнимый. Жаль, что бесконечно так балдеть нельзя; там где-то на телефоне сидит Ирка и нервничает.

Конечно, нас ждали с распростертыми объятиями. Скепсис Ирки стал понятен. Дежурный сначала перепугался, потом нехотя записал Иркины данные, её рассказ, взял одну из моих фотографий, и предложил идти домой. Как будто к ним каждый день приходят люди с потерей памяти!

– Как? И всё? – Ирка вылупила глаза.

– А что я должен ещё сделать? – раздраженно сказал дежурный. – В тюрьму её посадить?

– В тюрьму? Это мы запросто! – раздался из смежной комнаты весёлый голос.

– Идите, отдыхайте. Отправлю запрос. Ждите, если что – буду звонить. Сходите пока к врачу, возьмите справку...

По дороге домой мы с Иркой молча съели по мороженому. Хотя, погода и не располагала: солнце скрылось, и даже снежок пошёл.

– Супер-работа, – недобро сказала Ирка на прощание, прячась в воротник.

– Да пошли они, – ответила я, прикуривая. И даже сказала, куда им надо пойти.

А сама пошла домой. Ждать, когда позвонят. Больше все-

го меня беспокоили мои неизвестные родные. Беспокоили – не то слово. Сердце просто сжималось до боли, когда я вспоминала о них, когда пыталась представить, что может чувствовать мать, у которой пропал ребёнок. И больше всего мучило бессилие, потому что я даже не знала, какой номер набрать, чтобы просто сказать, что жива.

– Короче, я была права. Это надо делать самим, – сказала Ирка.

– Хорошо, ты была права, – согласился Самсон. – Теперь было бы неплохо придумать, как именно это делать?

– Начнём с того, что Находка не из Коломны, девяносто процентов. Не такой уж большой город, чтобы никто её не знал, включая учителей из школ, – сказал Кир.

– Ты что, всех учителей опросил? – изумилась я.

– Зачем всех? Человек по пять из школы. Это не особо много. Ирка, ты как? Спрашивала?

– У всех, по-моему, спросила. И в институте, и у мамы на работе...

– Короче, основная версия – что Находка откуда-то приехала.

– Ну, я сразу сказал, – Самсон начал самодовольно качаться на стуле. – Интуицию, брат, не пропьешь!

– Только сдвинь корону набок, чтоб не висла на ушах, – посоветовал Кир. Самсон ответил тумакom.

– Значит, надо смотреть расписание электричек, – сказала Ирка, постучав ручкой по столу. И автобусов, кстати, тоже.

– Электрички – уже. Вот те, с которых Находка могла сойти. Смотрите, – Кир выложил на стол лист бумаги. – Маркером отмечены наиболее вероятные. Автобусы завтра гляну.

Правда, что с ними потом делать – не знаю. Если только водителей поспрашивать.

– Допустим... Ах, чертов комар!.. – Самсон хлопнул себя по щеке. – Неужели эти сволочи уже вылезли?

– Это специальная ранняя порода. Для любителей, – объяснил Кир.

– У них в подвале болото, комары круглогодичные, – добавила Ирка.

– Я покурю? – спросила я, доставая сигареты.

– Можешь даже меня угостить, – сказал Кир.

– Травись на здоровье, – я протянула ему пачку.

– Благодарю, – сказал Кир, зажав в зубах сигарету. – Теперь бы еще пивка...

– Кир, а что там с отменами и дополнительными? – бесцеремонно вклинилась в его мечты Ирка.

– Все по расписанию. Ничего не убавилось, ничего не прибавилось. Даже не опоздало ничего, если верить диспетчеру.

– Монстр! – восхитился Самсон. – Даже до диспетчера докопался!

– Предлагаю, – перебила Ирка. – Долго и нудно. Не факт, что результативно. Но больше у меня идей нет. Опрос продавцов, поиск свидетелей. В электричках обычно одни и те же люди ездят. Тем более что была пятница. Как вам?

– Можно, в принципе.

– Надо штат расширять. Вчетвером мы это не осилим.

– Мужики, ну что всё я? У вас есть мысли?

– Есть, – Кир стряхнул пепел. – Опросить контролёров. Их и искать проще.

– Кстати, да. Самсон, а ты?

– А я – рядовой исполнитель. Есть у меня одна мысль. Не буду пока говорить. Если выгорит, расскажу.

– А мне-то что делать? – спросила я.

– Отдыхай пока. Можешь на станцию сходить. Вдруг что-нибудь знакомое увидишь? Или тебя кто узнает?

– Я там, на станции видела ларек «Горсправка». Какие они справки дают? Если подойти и спросить, не знают ли они меня?

– Да ну... – Ирка с сомнением посмотрела на меня, и с досадой отмахнулась, поняв, насколько я серьезно. – Да ну тебя на фиг!

Зашла Лерка. Я сидела в единственном кресле в соседней спальне и прятала на изнанку вытянутые петли на синем свитере, подаренном Ирккой. Вчера я замёрзла, сегодня уже не хотелось. Рядом, лежа на матрасе, балдел под Цоя Игорь. Он приехал автостопом сегодня ночью и никуда не торопился. Мне было слегка непонятно, зачем ехать автостопом в Коломну, чтобы лежать на матрасе, но спрашивать было лень. Да и более важных вопросов хватало. Кроме того, Игорь смотрел на меня каким-то ошалевшим взглядом, словно его Купидон... нет, не стрелой поразил, а пыльным мешком стукнул, что ли... Я, конечно, спросила его утром, не встречались ли мы раньше. На что он ответил, что, кажется, видел меня во сне. Поэтому моё подозрение в ударе пыльным мешком и пало на Купидона. На любовь, конечно, не тянет, но какая-то реакция идёт.

Цой пел про троллейбус, который идёт на восток, и в этом тоже было что-то ужасно знакомое, даже ностальгическое. Я мучительно пыталась вытянуть из памяти хоть что-то так же, как сейчас вытягивала петли с лицевой стороны свитера. Нитки поддавались лучше.

– Мучаешься? – спросила Лерка.

– Мучаюсь. Но не из-за свитера, а из-за памяти дурацкой.

– Сочувствую тебе. Не могу даже представить себя в по-

добной ситуации. Врагу не пожелаешь.

– Лер, я начала Мураками читать. Классная книга! – сказала я после некоторой паузы.

– Тебе понравилось? Здорово!

– Пойдём, чаю попьем?

– Давай.

Я отложила свитер, и мы протопали на кухню. Квартира была на редкость пустынна.

Чайник водрузили на плиту, а сами устроились у стола. Я принесла себе пепельницу и залезла на табуретку с ногами.

– Как дела? – спросила у Лерки.

– Да ничего, всё как обычно. А у тебя? Без изменений?

– Как в танке, – ответила я, доставая сигареты.

– Знаешь, Находка, странно, что тебе Мураками понравился. Ты сейчас как бы человек без жизненного опыта, а у него всё на нем держится.

– Ну не скажи. Написано очень здорово, язык красивый. Да и сюжет захватывает.

– Да, наверное, но мне он, в основном, близок взглядом на жизнь.

– Да мне, наверное, тоже, я не знаю. Раз понравилось... Знаешь, наверное, что понравилось? У него тоже вокруг сплошные непонятки, как и у меня... Лер, ты чай горячий пьешь? Или тёплого хватит?

– Лучше тёплого... Да, этим вы, пожалуй, похожи.

Я выключила газ и разлила чай.

– Находка, я совсем забыла, с чем пришла.

– И с чем?

– Я тут подумала... А что, если тебя к гипнотизеру какому сводить? Это, наверное, единственный способ что-то вспомнить.

– Жизнь круче Мураками, – задумчиво сказала я, уминая окурок в пепельнице. – Как завернет иногда!.. А где взять такого гипнотизера? Ты знаешь хоть одного?

– Можно я буду звать тебя как-нибудь покороче? А то Находку долго выговаривать.

– На здоровье, – я смахнула пепел со стола.

– Я не знаю ни одного гипнотизера. Но они ведь где-то есть?

– Наверняка есть. Но искать-то как?

– Да вон, аж на столбах объявления висят. Ну, не гипнотизеры, правда, а экстрасенсы. Да это, наверное, даже еще лучше. И в газетах постоянно пишут. Фигня, скорее всего, но вдруг? Ходька, слушай, а давай чай допьем и пойдём погуляем!

– А давай, если там не дубак! А то сажу на заднице все утро... Лер, а тебе на работу не надо? – я приняла «Ходьку».

– Я в ночь сегодня.

– Ни хрена себе... И не тяжело?

– Да у нас днём тяжелее, ночью-то спят все. Привезут кого – разбудят. А то и не привезут. Да и привыкла я уже.

– Давно работаешь?

– Давно, почти три года уже.

В кухню пришёл Игорь и опять внимательно на меня посмотрел. Что же это за сон такой ему приснился с моим участием?

– Девчонки, а можно тоже чаю?

– Да пей, пожалуйста, – отозвалась я. И усмехнулась про себя. Трёх дней не прошло, а я уже веду себя как хозяйка.

– Третьим будешь, – дополнила меня Лерка.

Игорь кивнул и снова посмотрел на меня как-то странно.

– Чего? – не выдержала я. – Опять приснилась?

– Не, ничего.

Попив чаю, мы пошли на улицу. На столбах объявлений было много, да вот только нужных как-то не встретилось. Тогда мы купили газету и кулёк семечек, и сели на ближайшую скамейку.

Ни одно объявление доверия не внушало, ни матушки, ни потомственные ведуньи, ни белые магистры. Совсем ни капли. С фотографий смотрели рожи, изо всех сил изображающие загадочность. Лерка морщила конопатый носик, я вздыхала. В конце концов объявления мне наскучили, зад замёрз. Я встала, закурила и стала разглядывать людей, перебирая в кармане шелуху от семечек. Упорная Лерка продолжала штудировать газету, но вскоре тоже сдалась.

– Знаешь что? Пожалуй, я у мамки спрошу, она там своих женщин порасспрашивает. Вдруг кто кого порекомендует?

Я пожала плечами:

– Ну, попробуй. Может и правда поможет, – спохватилась, что шелухе не место в кармане, и вытряхнула ее в урну.

Потом мы разгадали кроссворд моей зажигалкой (она же ручка), догрызли семечки. И, выбросив газету в ту же урну, пошли бродить. Наматавшись по Коломне до гудения в ногах, поехали к Лерке в гости. У неё оказалась интересная квартира. На полках стояли модели кораблей. «Это папка собирает, а мамка ворчит, что он ерундой занимается. А по-моему, это здорово, когда человек чем-то увлечён». Кровати были застелены лоскутными покрывалами, а рядом с ними висели светильники с абажурами из той же ткани, что и подушки. А Леркин секретер был набит книгами, кассетами и коробочками с бисером.

– Кто это шьёт? – спросила я о покрывалах и подушках.

– Да я, когда делать нечего.

– И почему ты медсестра?!

– Чтобы людям хоть немного легче жилось, – серьёзно ответила Лерка.

– Все художники. Белый – фотограф. Ты... – я запнулась, подбирая слово. – Ты просто художник, наверное. Рукодельница. Это город такой, или просто мне повезло?

Лерка засмеялась:

– Тебе еще как повезло! Знаешь когда? Когда тебя этот ловелас на вокзале увидел. Он ведь тебя на вокзале нашёл, да?

– Ловелас? Это Андрей, что ли? – я засмеялась.

– Ага. Ещё какой! Хлебом не корми! Если он к тебе пока

не пристава́л, то у тебя все впереди.

Мы дотемна пили чай в уютной Леркиной квартирке, забыв о колдунах и гипнотизерах. Лерка рассказывала мне обо всех понемногу. Что Женька – сын алкоголиков, его родителей лишили прав, а потом они умерли, и он жил в детдоме. Потом вернулся в свою квартиру, но один жить не смог, и принимает у себя всех желающих. Что Тёмка из Саратова, несколько раз резал вены, а теперь нашел Нюрку, ездит с ней автостопом и периодически живет у Женьки. Что Настя москвичка, поёт в переходах, но дома ночует редко, чаще у того же Женьки. У неё был двухдневный роман с Белым, и теперь она его ненавидит; зато мечтает записать хитовый альбом и прославиться. Рассказ об одном человеке потихоньку перетекал в другой, задевая тех, кого я еще не знаю. А может, и не узнаю.

Домой я ехала на маршрутке на Леркины деньги.

– Мы уж думали, что ты снова потерялась, – сказал Женька.

– А Игорь решил жить здесь, пока ты не найдешься, – поделилась новостью Настя.

– Я чувствую, скоро матрасы будет некуда класть, – улыбнулся Женька и выключил газ под чайником.

– Кажется, всё-таки влюбился, – буркнула я насчет Игоря.

– Значит так, – начал доклад Самсон на следующий вечер. – В Московских электричках Находку никто не видел. В смысле патрулей.

– Но это не значит, что ее там не было, – буркнула Ирка. – Все мы знаем, как работают наши доблестные сотрудники.

– Это да. К тому же, тебя видела бабулька, торгующая семечками. С каким-то парнем, говорит.

– Где она меня видела?

– В Раменском. Вы купили семечки и сели в электричку. По времени похоже.

– Семечки? Подожди...

– Что? Ты помнишь семечки?

– Нет. В смысле, помню, но они были вчера. Знаешь что? Я упорно складывала мусор в карман. А когда я только появилась у вас, у меня в кармане шелухи, кажется, не было.

– Так, нашли тебя в куртке?

– Это как в капусте?... Вроде как, Ирка же везде записала: зелёная куртка.

– Тащи её сюда. Будем по карманам лазить.

– Кир, это не факт. Я могла их и выбросить. Вчера, по крайней мере, выбросила.

– В чем ты вчера была?

– В куртке и была, у меня она одна.

– Выверни карман.

Я, скорчив рожу, выполнила указание.

– Видишь? – спросил Самсон. – Они так просто не отцепляются.

– А тогда никакой шелухи не было!

– Не факт! Все не факт! Ничего это не значит и не доказывает! Самсон, ты записал, какой парень?

– А то!

В кухню вошел Игорь.

– Я вам не помешаю? Кушать хочется.

– Кушай, пожалуйста.

– Ира, ты всех строишь, а у тебя-то что?

– Продавцы ничего не помнят. Кто-то говорит, что Находка у них точно ничего не покупала, кто-то просто ничего не помнит. Хуже Находки! И с пассажирами глухо. Завтра пойду. Тоже пятница будет.

– Надо вдвоем. Один со стороны Москвы, другой – со стороны Рязани.

– Давай, Кир! Пошли. Я себе плакат с фоткой сделала, тебе сделаем такой же. И пойдешь по вагонам.

– Памажи-ите! Сами мы не местные! – заблажил Кир. Ирка свернула тетрадь в трубочку и треснула Кира по лбу.

– Я – сама серьезность! – Кир мгновенно исправился.

Игорь, наложив себе в тарелку риса, пристроился к столу.

– Слушай, сама серьезность, а что с твоими контролерами?

– Никто ничего путного сказать не может. Может, была, может, нет.

– В общем, все как всегда.

– Да лажа это все, – отозвалась я с подоконника, равнодушно стряхивая пепел в банку из-под кильки. – Так никогда в жизни ничего не найдешь.

– Как это ничего? А бабка с семечками?

– Самсон, так что за парень?

Самсон достал кассетный диктофон и нажал на перемотку.

Игорь дожевал свой пустой рис и пристроился к раковине мыть посуду.

Чтобы перекрычать шум воды, Самсон повысил голос:

– Волосы русые, нестриженные, но не длинные. Ростом примерно с меня. Нос с горбинкой и глаза широко посаженные, как я понял. В джинсах, в чем-то сером. Находка, знаешь такого?

– Ага, конечно, знаю! – ответила я, глядя на голубей, гуляющих по козырьку подъезда.

Погода была не очень приятной, дул ветер, и с неба валил снег. Хотя для начала апреля не такая уж и диковина. Я даже шарфом обмоталась.

Мы с Иркой вышли к паровозу. Малолетний свидетель, с которым нам предстояло встретиться, знал только эту местную достопримечательность. Мальчик представился Павлом Сергеевичем и сказал, что видел меня в электричке.

Вчера Ирка разговаривала с бабушкой, которая, якобы, меня тоже видела. Божий одуванчик рассказала, что я ехала от самой Рязани, а она сидела напротив. Я по ее словам сначала смотрела в одну точку на оконной раме, потом уснула; а в Голутвине вылетела из вагона как ошпаренная.

Ирка все это записала, а теперь нервничала. Потому как бабка с семечками видела меня совсем в другой стороне. Теперь вся надежда была на мальчика.

Павел Сергеевич в модных штанах и куртке, когда нас увидел, прыгнул с паровоза и подошел. Мы солидно поздоровались.

– Что, уже нашлись? – спросил он у меня.

– Нашлась, – ответила я. – Только ничего не помню. Меня там, в электричке, ограбили. Стукнули по голове, а я не помню, кто.

– Я не видел, как грабили, – с сожалением вздохнул маль-

чик. – Значит, вас ограбили до Луховиц. Я там сел, и после этого никого не грабили, – торопливо объяснил он, слегка картавя и от этого старательно выговаривая букву «р».

– А ты уверен, что это та самая девушка? – приступила к допросу Ирка.

– Уверен!

– Ну, расскажи, что она делала в электричке!

– Спала всё время! А может, она была без сознания оттого, что её стукнули? – он с ужасом округлил глаза.

– Может быть. А почему ты на неё внимание обратил?

– Да потому что она так спала! Там даже мужик с гармонью шёл и орал, а она не проснулась. Точно, без сознания! А я-то думал! А я... – он смутился. – Я могу доказать, что её видел... Только вы не будете ругаться?

– Не будем, – подозрительно сказала Ирка.

– Я ей... вам... на брюки жвачку прилепил изнутри. Посмотрите, если хотите.

– Хренушки, – нарочито хмуро сказала я. – Нет там ничего.

– Есть! – он аж подпрыгнул.

– Нет! – я тоже подпрыгнула, его передразнивая. – Я её уже отскребла!

И все облегченно рассмеялись.

В субботу с утра мы собирались на реку, жечь костер. Но ни свет, ни заря приехала Ирка и сказала, что мы с ней едем в Москву. Кто хочет, тот с нами. Я позвонила Лерке, она приняла предложение.

Недолго думая, мы собрались, у стелы под кодовым названием «хухра и мухра» встретились с Леркой и Самсоном, неожиданно наткнулись на Белого, который радостно присоединился к нам. Купили билеты, и поехали в Москву. Я по такому поводу оделась попримечнее, насколько это было возможно – в джинсы с водолазкой, а на шею привесила феньку с меховым хвостиком. Было настолько тепло, что куртку решила вообще не надевать.

Электричка пришла на Казанский вокзал, но в этом не было ничего знакомого. Болтая о всякой чепухе, доехали до Арбата. Точнее, болтали, в основном, Ирка с Самсоном, вспоминали разные случаи из своей сыскной практики, а мы с Леркой и Белым молча слушали.

Арбат оказался суматошной тесной улицей с фонарями, матрёшками, ушанками и Бог знает чем ещё. По Арбату пробежались галопом, купили по хот-догу на «Смоленской», сфотографировались под фонарем и остановились, наконец, поесть и покурить спокойно.

– А ты москвичка, – сказал мне Белый с улыбкой. Я

вздрогнула. Сердце заколотилось, будто бы почуяло близкую разгадку моей тайны.

– Почему? – шепотом спросила я.

– Ты хорошо в метро ориентируешься. На эскалаторе не теряешься. Буднично себя ведешь, в общем.

– Вот и я об этом, – согласилась Ирка, хотя до этого не говорила ни о чём похожем.

– Хотя с таким же успехом можешь оказаться и из Питера, и ещё откуда-нибудь, где метро есть, – подумав, сказал Белый. – Но мне всё-таки кажется, что ты из Москвы.

– Белый, в таких делах не должно казаться. Нужно быть уверенным и иметь доказательства.

– Ирочка, любая уверенность начинается с предположений.

– Ир, а на фига мы сюда поехали? – прервала я их начинающийся спор.

– Была надежда, что ты из Москвы, и, увидев, вспомнишь город.

– Не узнаю, Ир. Все это зря. Нет у нас ничего.

– Надо ехать в ГУМ, к фонтану. Там программу снимают, я один раз видела, – почему-то смущаясь и сбиваясь, сказала Лерка. – Люди, которые кого-то потеряли, друг друга ищут.

– Лерка, гений!!! – Ирка подпрыгнула. – То ли «Жди меня» называется, то ли «Ищи меня»... Я тоже пару раз видела. Поехали!!!

– Ходь, слушай. Я все думаю, может, ты и там была? Где

семечки? Может, съездим как-нибудь? Очную ставку устроим? Вдруг бабка просто время перепутала.

– Давай съездим, если ты так просишь.

– И Рязань надо как-то отрабатывать, раз ты, скорее всего, с той стороны ехала...

– Надо...

Но в ГУМе было пусто. То есть, не пусто, конечно, но у фонтана столпотворения не наблюдалось, и камер не было. Мы пошатались по магазину, разинув рты, да так и ушли ни с чем.

Потом зашли в музыкальный магазин, а в переходе я потерялась. Метнулась туда-сюда. Стало страшно, но я довольно быстро сообразила, что ничего ужасного не случилось. Доеду до Комсомольской, сяду в электричку – и дома. Чего панику-то поднимать?

– Находка! Ты где? А где все?

– Белый, Андрей, вот здорово, что ты здесь! Я вас всех потеряла! А где они? Ты не знаешь?

– Не знаю, отошел пленку посмотреть, а все делись. Только тебя углядел.

Я засмеялась. Мне сразу стало радостно и спокойно. Вдвоём тем более выберемся! Да и скучно не будет.

– Пойдём, погуляем? А то Ирка всё галопом да галопом.

Я согласилась.

Мы вернулись, прошли по Красной площади, спотыкаясь на брусчатке. Белый сфотографировал меня на фоне Собора

Василия Блаженного, я его – на фоне Мавзолея.

– Я, знаешь, никак не могу понять, как это – ничего не помнить.

– Я, Андрей, сама еще не поняла. Ужасно дурацкое ощущение.

– Ходь, а тебе сны не снятся? Вдруг ниточка какая к прошлому?

– Сны? Слушай, а ведь мне приснился сегодня сон. Странный какой-то, – я остановилась и внимательно посмотрела на Белого. Он достал сигареты, протянул мне. Я благодарно кивнула и закурила, размахала рукой дымок.

– Приснилась большая серая крыса. Усатая такая, и носом шевелит, быстро-быстро так – нюхает. А я будто бы лежу на своем матрасе. Она прошла по подушке, и стала меня изучать. В один глаз заглянет, в другой. Потом в нос понюхала. А я смотрю на это все так спокойно. Мне совсем не страшно, не противно. Крыса меня обнюхала, а потом так тяжело вздохнула и ушла... Не знаешь, к чему?

– Крысы? Не знаю, честно говоря. Да, символично, наверное, но я сны разгадывать не умею.

– Конечно, сны – не показатель. Мало ли что приснится!

– Ты знаешь, Находка, всё сидит у тебя внутри, в подсознании. И сны могут что-то подсказать. Смотри, ты и метро знаешь, и еще что-то. Говори, не задумываясь, что-нибудь да скажешь. Да, это, наверное, сейчас самое правильное – сначала говорить, а потом думать. Вот смешно! – он действи-

тельно засмеялся. – Обычно учат наоборот. Что еще раз доказывает, что нет ничего абсолютного!

Две недели я прошаталась бесцельно по весенней Москве с «Крематорием» в ушах, и выучила кассету наизусть. Садилась утром в электричку, билет брала не всегда и до вокзала не доезжала. В Москве объездила наугад несколько окраин, а ближе к вечеру обязательно ехала на Арбат. Теперь я почувствовала в этой улице какую-то ауру, которая тянула сюда всех. Мне стало нравиться бродить там, толкаться среди людей, бессмысленно разглядывать сувениры и лица. Я съедала полбуханки хлеба, курила где-нибудь у стеночки и бродила мимо фонарей и художников в надежде кого-нибудь встретить.

И это произошло. Однажды парень в длинном плаще на бегу крикнул мне, обрадовано подняв брови: «О, привет! Ты подстриглась? Тебе идёт! Я сейчас спешу, вечером позвоню!» Я автоматически кивнула, и тут-то до меня дошёл смысл и масштаб случившегося... Но парень успел затеряться. Я шла, высматривая его, до самой «Праги», но так и не увидела. Странный город – Москва. Люди, как сквозь землю проваливаются.

Но настроение, несмотря на мою несообразительность, не испортилось, а, скорее, даже наоборот. «Хоть бы по имени назвал!» – весело думала я. По крайней мере, хоть кто-то в Москве меня знал. Второе – «вечером позвоню» – это зна-

чит, что в другой город ехать не надо, что позвонить проще простого, как и встретиться. Следовательно, Белый прав. Я наверняка москвичка. И третье – этот скоростной тип позвонит моим родным и, надеюсь, скажет, что видел меня на Арбате.

В тот вечер я приехала домой радостная, позвонила Ирке, Лерке, и всё всем растрезвонила.

А ночью мне приснился ещё один сон. Непонятный и какой-то страшный. Будто бы сидим мы с Белым и Андреем в каком-то каменном доме с выбитыми стёклами. По полу бродит ворон и поглядывает на меня.

– Разгребли, слава Богу, – говорит Андрей, выпуская дым. Мне тоже хочется курить, но я почему-то не могу попросить.

– Мертвяков много, – глухо отвечает Белый. – Переборщили.

– У меня все руки в кровище, помыть бы...

Я вижу, что я тоже вся в крови, на полу липкие лужи. Но я знаю, что сделала что-то хорошее.

– А рвануло здорово. Ты, Ходька, молодец.

– В гробу я видала... – с тоской отвечаю я, и тут из дверного проёма выглядывает дуло и целит в Белого. Я пытаюсь закричать, но голос мне не повинуется. Хочу броситься и оттолкнуть Белого, но двинуться тоже не могу, словно окаменела. А Белый курит, глядя в ноги, и стряхивает пепел на пол.

Я проснулась в этом безмолвном крике. Долго лежала, пы-

таясь утихомирить сердце. Отсюда, из яви, как из окна, лужи крови не казались такими страшными. Я трезво попыталась проанализировать сон.

Больше всего меня мучил вопрос – кровь, развалины и разговор – это из прошлой жизни? Может, это даже причина моего загадочного избирательного беспамятства? Вероятность довольно высока.

Или это больная фантазия?

Но так или иначе – подобные сны ни с чего не снятся; в нём, возможно, кроется разгадка всего этого безобразия.

Мамайка подошла, понюхала мой висок и залезла на спальник. Долго-долго вылизывалась, и убаюкала меня своим спокойным, будничным занятием.

– Находка, есть одна мысль, – разбудил меня шёпот. Я открыла глаза. Рядом сидел Игорь.

– Какая? – сипло спросила я. – А сколько времени?

– Девять утра. Надо по Москве расклеить листовки с твоей фотографией и Женькиным телефоном. Кто знает, позвонит.

– Ага. Как реклама борделя. Ты и придумал! Представляешь, сколько звонков будет?

– Ну и пускай! Наверняка, и твои знакомые отзовутся! Это того стоит.

– Тогда езжай к себе домой и давай свой телефон. Женька-то ни при чём совершенно! К тому же, представляешь, сколько на Москву листовок надо?

– Я думаю, что это решаемо.

– А вообще-то... – я задумалась. Игорь подал неплохую мысль. Когда все проснулись, я поделилась этой мыслью с ними. Осуществлению поспособствовала Лерка, точнее рекламная фирма, обитающая на территории больницы. Эта контора, как большинство окружающих, при моём появлении резко пожелала проявить благородство и напечатала две сотни наклеек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.